

Керкинитида (Евпатория)
Херсонес (Севастополь)
Феодосия
Боспорское царство
Херсонес
город-государство (полис)
античные города

Литература:

1. Аникина М.Н. Современный учебный комплекс по русскому языку как иностранному для начального этапа: авторский вариант, истоки // Тезисы Международной конференции «Современный учебник русского языка для иностранцев (теоретические проблемы и прикладные аспекты)». – М.: МАКС-пресс, 2002.–С.9-10.
2. Барыкина А.Н. К вопросу о межкультурной коммуникации при работе с учащимися начального этапа обучения // Тезисы Международной конференции «Современный учебник русского языка для иностранцев (теоретические проблемы и прикладные аспекты)». – М.: МАКС-пресс, 2002.– С. 17-18.
3. Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Путеводитель по Крыму / Под ред. И.М.Саркизова-Серезини.–М., 1924.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику.– М., 1999.– 382 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.– М.: Наука, 1987.– 264 с.
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика.– М.: Аспект Пресс, 2000.– 207 с.
7. Подготовка учителя иностранного языка с учётом современных тенденций обновления содержания образования // Иностранные языки в школе.– 2001.– №4.– С.8-12.
8. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2000.– 304 с.

Поступила в редакцию 12.01.2003

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОДЕКСА, ИЛИ О «РУССКИХ» МАКСИМАХ ОБЩЕНИЯ

Ф. С. Бацевич

Львовский национальный университет им.И.Франко

В статье рассматриваются проблемы этнокультурного проявления максим общения. Материалом исследования стали паремийные средства и тексты русской и украинской художественной литературы XIX – XX веков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативный кодекс, максимы общения

У статті розглядаються проблеми етнокультурного вияву максим спілкування. Матеріалом дослідження стали паремійні засоби і тексти російської та української художньої літератури XIX – XX століть.

Ключові слова: Міжкультурна комунікація, комунікативний кодекс, максими спілкування.

The focus of the paper is the problem of ethno-cultural manifestation of communicative maxims. Russian and Ukrainian texts of 19th -20th century fiction provide a basis for the investigation.

Key words: intercultural communication, communicative code, maxims of communications.

В литературе, посвященной проблемам коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, теории речевой деятельности, убедительно доказано, что любое межличностное общение – от непринужденного бытового до достаточно формализованного делового – опирается на веками отработанные *импликатуры дискурса*. Последние позволяют участникам коммуникации ориентироваться в процессах общения, порождать и понимать прямые и косвенные речевые акты, узнавать типы речевых жанров, следить за изменениями стратегий и тактик собеседников и т.п. Глубоко «погруженные» в процессы коммуникации, импликатуры дискурса «всплывают» на поверхность, позволяя их «ухватывание» и достаточно приблизительное дефинирование (в тер-

минах семантики), чаще всего в случаях их нарушения, наличия девиаций в сфере коммуникативной компетенции [1].

Анализ коммуникативных девиаций, а также «нормального» диалогового общения позволил выделить и сформулировать ряд законов так называемого «коммуникативного кодекса», представляющего собой систему *принципов*, которые регулируют речевое поведение говорящих и в свою очередь опираются на совокупность *максим* и *постулатов*. Важнейшими составляющими «коммуникативного кодекса» выступают принципы кооперации (сотрудничества) [2] и этикетности (вежливости) [3]. Принцип кооперации содержит в себе максимы полноты информации, ее качества, релевантности и манеры представления адресату. Важнейшими максимами принципа этикетности являются максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии и, добавим от себя, откровенности, а также позитивного имиджа говорящего (так называемый закон «сохранения собственного лица») [4].

Упомянутые максимы общения (дискурсивные максимы) были сформулированы их авторами как универсалии межличностного общения, общечеловеческие константы коммуникации. Однако со временем стало понятно, что природа и наполнение последних в большой мере зависят от этнокультурных и социальных аспектов личностей коммуникантов. А это выводит их изучение в сферу этно-, – психо-, социолингвистики и позволяет включить в проблемное поле сопоставительных и контрастивных исследований межкультурной коммуникации. Понятно, что речь идет, прежде всего, об изучении *меры, способов, условий* и т. п. проявлений отмеченных универсальных принципов и максим общения в разных языковых общностях, а не о каких-то особых максимах общения. В свете этих замечаний слово «русские» в названии статьи употреблено с шутливым оттенком, что, впрочем, не распространяется на проблему идиоэтнических особенностей проявления максим общения в целом и специфики использования последних носителями русского языка и культуры – в частности.

В научной литературе специфика проявления некоторых аспектов принципа этикетности общения в разных языках представлена достаточно полно (см. напр. [5]) чего нельзя сказать о составляющих принципа кооперации. Как свидетельствуют наблюдения, последние, в свою очередь, определяются этническими, культурными, региональными особенностями. Так, например, максима количества (полноты) информации, согласно которой вклад говорящих в информативность коммуникации должна быть не большей и не меньшей, чем этого требует конкретная конситуация, по-разному воплощается в речевых стратегиях представителей различных этносов. В частности, даже используя достаточно регламентированное деловое общение, носители языков и культур Азии и Европы понятие количества информации воспринимают неодинаково (прежде всего в аспекте различной меры проявления) [6]. Есть все основания говорить о том, что иные максимы общения так же идиоэтнически и регионально сориентированы. Иными словами, принятые в разных культурах правила использования максим кооперативного общения проявляются по-разному. Однако эта проблема остается, фактически, неисследованной, самым тесным образом связываясь с проявлениями национального характера носителей конкретного языка, общими и отличительными культурными, психологическими, психическими и т.п. чертами отдельных этносов, их групп и т.д. Для их изучения необходимы широкие полевые исследования с применением значительного массива данных из разных сфер «человековедения».

Некоторые методики и приемы выявления национальных особенностей использования принципов (законов) и максим общения:

1. Анализ фольклорных, прежде всего паремийных, средств разных языков, в которых отражены своеобразные «народные» принципы и максимы общения [7];
2. Записи «живой» коммуникации носителей изучаемых языков в разных конситуациях;
3. Анализ значительного корпуса художественных текстов, отражающих общение героев – носителей определенной культуры;
4. Изучение коммуникативного поведения исключительных языковых личностей, «гроссмейстеров общения»;
5. Анализ разнообразных коммуникативных девиаций в целом и в сфере межкультурного общения – в частности;
6. Использование данных нейролингвистического программирования.

Приведенный перечень подходов к изучению сформулированной проблемы далеко не полон, он остаётся открытым.

Ниже, опираясь на первый и третий подходы, попытаемся определить особенности исполь-

зования ряда дискурсивных максим носителями русского языка и культуры в сопоставлении с таковыми у носителей украинского языка и культуры.

Сравнение паремийных средств, в которых сконцентрированы наблюдения за спецификой коммуникативного поведения носителей отмеченных языков [8], позволяет говорить о том, что в коллективном сознании русских и украинцев отражено понимание определяющей роли в речевой коммуникации принципа сотрудничества. Коммуникативной доминантой последнего можно считать пословицы *На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся; Нехай буде гречка, аби не суперечка*. То же самое можно сказать о роли максим манеры речи, количества информации, а также коммуникативного поведения адресата, в частности умения слушать и молчать. Некоторые примеры: *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца; Много знай, да мало бай!; Кстати промолчать, що більше слово сказати; Лучше не договорить, чем переговорить; Менше говори – більше вчуси; Наговорив сім мішків гречаної вовни, та всі неповні; Холодним словом серце не запалиш; Хто мовчить, той двох навчить* и др.

Вместе с тем русский паремийный фонд отражает особую роль максимы откровенности в общении, более высокое ее коммуникативное «напряжение». Ср.: *Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды себе ищет; Лезет с языком, что с пирогом; Язык до добра не доведет* и др. Коммуникативной доминантой здесь, пожалуй, выступает пословица *Что на уме, то и на языке*. Можно сказать, что максима откровенности в общении русских «эксплуатируется» активнее, чем в общении украинцев. Несколько большее количество русских паремий, подчеркивающих важность последовательности и связности речи, порядка изложения мыслей, умения строить речевые жанры нужной тематики: *Начал во здравие, закончил за упокой; Мелет день до вечера, а послушать нечего; Язык болтает, а голова не знает; Нести околесицу*.

В украинских паремиях в большой мере подчеркивается важность соблюдения осторожности суждений, ориентации на определенный партикуляризм высказываемых мнений. Смысловыми доминантами этого могут служить пословицы *Говори, та не проговорися; Говори, та назад оглядайся*.

Наблюдения над речевой коммуникацией героев ряда художественных произведений в ситуациях их знакомства (романы и повести второй половины XIX–XX вв.) в определенной мере коррелируют с изложенными выше. В случаях коммуникации русских особо заметна отмеченная тенденция к избыточной «эксплуатации» максимы откровенности. Достаточно частотны призывы участников общения к взаимной откровенности, даже некоему душевному «обнажению». Последнее тесно связано с гораздо более частым, по сравнению с общением украинцев, нарушением одной из важнейших максим принципа этикетности – «сохранения собственного лица». Характерным примером, подтверждающим сказанное, может служить эпизод из романа Ф.М.Достоевского «Идиот», где герои рассказывают о самом постыдном в своей жизни поступке и в конечном итоге оказываются перед фактом психологической невозможности продолжения нормального общения. Подобных эпизодов в украинской художественной литературе мы не встретили.

Отмеченная в художественной литературе тенденция носителей русского языка и культуры к частому нарушению одной из максим принципа этикетности связана, на наш взгляд, с более общей чертой, присущей русскому характеру, – гиперкритическому взгляду на себя. Как известно, одной из когнитивных универсалий, отраженных в языковых картинах мира, является положительно коннотированный автостереотип этноса, создателя и носителя этого языка. Стереотипы же соседних этносов, как правило, имеют негативную оценку или аксиологически нейтральны [9]. Тексты украинской классической и современной художественной литературы эту тенденцию в общих чертах подтверждают. В современной же русской литературе образ русского человека, его быта, истории, культуры и т.п. зачастую представляется негативно, а порой даже карикатурно, что в сочетании с отмеченным гиперкритическим отношением к себе чревато формированием отрицательного автостереотипа в коллективном сознании.

Уже эти скромные наблюдения на весьма ограниченном материале позволяют говорить о некоторых особенностях использования дискурсивных максим релевантности, откровенности, позитивного самоимиджа в практике коммуникации носителей русского языка и культуры, по крайней мере, в сравнении с носителями украинского языка и культуры. Для последних характерно тяготение, если можно так сказать, к «западному» сдержанному типу общения.

Отмеченные особенности имеют общий характер и должны быть проверены на значительно более широком материале. Безусловным остается одно: исследование специфики использования принципов, правил, максим и конвенций общения носителями разных языков и культур является

чрезвычайно актуальным, открывающим новые перспективы изучения проблем как межкультурной коммуникации, так и природы человеческого общения в целом, сущности явления интеракции, загадки встречи «Я» с «Иным».

Литература:

1. Бацевич Ф. Основи комунікативної девіатології. – Львів, 2000. – 236 с.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 217 - 237.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – L.; N.Y., 1983. – 276 p.
4. Гофман И. О «работе лицом» // Межличностное общение: Хрестоматия. – СПб., 2001. – С. 132 - 170.
5. См., напр.: Формановская А.М. Речевой этикет и культура общения. – М., 1987. – 224 с.; Фабіан М.П. Етикетна лексика в українській, англійській та угорській мовах. – Ужгород, 1998. – 256 с.
6. Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1998. – С. 66-85.
7. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М., 1979. – 224 с.
8. Ашукин Н.С., Ашукина Г.А. Крылатые слова. – М., 1970. – 320 с.; Пословицы русского народа: Сборник В.Даля. – М., 1957. – 992 с.; Прислів'я та приказки: У 3-х тт. / Упорядник М.М.Пазяк. – К., 1990-1991; Українські народні прислів'я, приказки. – К., 1963. – 792 с.
9. Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski – Wrocław, 1993. – S. 363 -387.

Поступила в редакцію 20.11.2002

СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ЖАНРУ ДУХІВНИЦЬ УКРАЇНСЬКОЇ ПИСЕМНОСТІ КІНЦЯ XVII - XVIII СТ. В КОНТЕКСТІ ІСТОРИЧНОЇ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ВЗАЄМОДІЇ

Н. І. Білан

Київський національний університет ім. Т. Г. Шевченка

В статье рассмотрены стилистические особенности завещаний в контексте билингвизма деловой документации конца XVII – XVIII ст.

Ключевые слова: завещание, формуляр, билингвизм, украинско-русское взаимодействие

У статті розглянуто стилістичні особливості духовниць в контексті білінгвізму ділової документації кінця XVII – XVIII ст..

Ключові слова: заповіт, формуляр, білінгвізм, українсько-російські взаємозв'язки

The stylistic features of wills in a context of bilingual business documentation of the end XV II – XV III is studied in the article.

Key words: the will, the formular, the bilingualism, Ukrainian - Russian interaction

Українська культура і мова завжди спиралася на давні й багаті традиції: "Знання минулого забезпечує духовну культуру народу, допомагає бачити майбутнє. А сучасний стан мови - результат її довгого історичного розвитку, без належного врахування історичного аспекту він не може бути пояснений всебічно і з належною глибиною" [7]. Українська мова сьогодні - це мова, яка, увібравши в себе все найцінніше із надбань минулих віків, перебуває в безперевному розвитку, постійно збагачується лексично, синонімічно, стилістично, удосконалюється структурно.

Для вивчення історії української мови першорядне значення мають ті писемні пам'ятки, що за своїм характером найбільшою мірою відбивають живомовні явища певного періоду. Такими є давні акти, дипломатичні чи правові, які пов'язані з повсякденною практичною діяльністю людей і відбивають особливості політичного і суспільного життя народу.

У кінці 17 – протягом 18 ст. на території Гетьманщини, окрім діяльності полкових та сотенних канцелярій, діловодство розвивалося в ратушах, магістратах, і, певна річ, у центральних органах управління та судочинства.

Політика царського самодержавства, спрямована на подальше обмеження автономії Гетьманщини, призвела до послідовного витіснення української мови з офіційного діловодства, що сталося через відповідні укази та остаточне запровадження на українських землях упродовж XVIII ст. адміністративно-територіального управління Російської імперії.